

Гора Шаньтоу уезда Жуян.

У подножия горы раскинулись рисовые поля, усыпанные зелеными саженцами, источающими приятный аромат. Земледельцы, собравшись в группы, смотрели на молодого человека, идущего по узкой горной тропинке.

Парень выглядел высоким и стройным, одетый в прочную одежду, подчеркивавшую его тонкую и крепкую талию. Его черные как смоль волосы были аккуратно собраны, на поясе у него висел кинжал, а за спиной — лук со стрелами. Всем своим естеством он излучал жизненную силу и харизму.

Время от времени крестьяне перешептывались друг с другом, полные любопытства.

«Чей это ребенок? Он осмелился один отправиться в горы?»

«Он выглядит знакомым. Кажется, это... молодой господин из семьи уездного магистрата! Мне довелось увидеть его однажды, когда я ходила на рынок покупать лекарства для своей матери».

«Ты имеешь в виду доброжелательного и умного молодого мастера? Как он мог отправиться на гору Шаньтоу? На этой горе водятся шакалы-людоеды, волки и леопарды!»

«Даже наши местные охотники не осмеливаются ходить в горы в одиночку!»

Ропот продолжался, и собиралось все больше и больше земледельцев.

Внезапно в конце грязной дороги показалась простая конная повозка с несколькими слугами. Копыта лошадей взбивали грязь, которая брызгала на одежду, но никто не обращал на это внимания. После того как повозка остановилась, предводитель группы с тревогой и печалью подошел к подножию горы Шаньтоу и опустился прямо на колени.

«Молодой господин, как вы могли отправиться на гору в одиночку!?»

Вытирая глаза, старый слуга захлебывался слезами, а его голос звучал все громче от страданий. «Госпожа тяжело больна. Мы обыскали все аптеки уезда Жуян, но нам все еще не хватает одной травы. Доктор сказал, что она растет только на горе Шаньтоу. Но как вы могли пойти в горы один!?»

Слуги позади него начали всхлипывать: «Молодой господин, пожалуйста, вернитесь».

Голос старого слуги становился все более хриплым и отчаянным, каждое слово было наполнено слезами. «Этот покорный слуга знает, что вы почтительны к госпоже и не боитесь никакой опасности, даже шакалов, волков и леопардов. Но гора Шаньтоу слишком коварна. Пожалуйста, подумайте дважды, молодой господин!»

Крестьяне, стоявшие в стороне, вдруг поняли: «Значит, сын магистрата один отправился на гору, чтобы собрать травы для жены магистрата!»

Глаза некоторых людей уже наполнились слезами. «Мы слышали о сыновней почтительности* этого ребенка, но не ожидали, что он пойдет так далеко ради своей матери. Смотрите, чем больше они кричат, тем быстрее идет сын магистрата. Он просто не хочет, чтобы эти люди его остановили!»

* Сыновняя почтительность — одно из центральных понятий в конфуцианской этике и философии, важный компонент традиционной восточно-азиатской ментальности. В базовом значении относилось к уважению родителей; в более широком смысле распространялось на всех предков.

Старик вздохнул и сказал: «Если бы у меня был такой сын, я мог бы просыпаться с улыбкой каждый день».

Во времена династии Северная Чжоу верность и сыновняя почтительность были принципами управления государством. Всякий, кто проявлял преданность и сыновнюю почтительность, пользовался уважением народа.

Но как бы ни кричали слуги, юноша в весеннем одеянии продолжал идти без остановки, решительно направляясь в сторону густого леса.

Из повозки донесся усталый женский голос: «Довольно, управляющий Линь. Раз уж он настаивает на проявлении сыновней почтительности, не останавливайте его больше».

Управляющий Линь перестал кричать и только схватился за голову, всхлипывая.

Спустя долгое время группа покинула подножие горы Шаньтоу. Земледельцы разошлись, так как больше не на что было смотреть. Два стройных крестьянина обменялись взглядами, затем тихо покинули рисовые поля и вышли на обочину, редко посещаемой дороги.

Группа людей жены магистрата, которая только что ушла, случайно остановилась в этом же

месте.

Крестьяне подошли и прошептали: «Управляющий, мы обо всем позаботились».

Управляющий Линь уже вытер слезы. Он бросил двум земледельцам мешочек с серебряными монетами и холодно посмотрел на них. «Вы знаете, что стоит говорить, а чего нет. Возьмите деньги и воздержитесь от ненужных сплетен».

Оба крестьянина несколько раз кивнули и осторожно ушли с серебром.

Внутри повозки.

Жена магистрата сидела, облокотившись на мягкую подушку. Ее лицо выглядело бледным, как будто она только что оправилась от тяжелой болезни. Яркие румяна на ее щеках добавляли немного цвета, но они только подчеркнули ее слабое здоровье, из-за чего она выглядела чрезвычайно изможденной.

«Госпожа, кажется, что все в порядке», — сказала служанка с оттенком радости, протягивая чашку чая жене магистрата. «Ваши усилия не были напрасными».

Услышав это, жена магистрата открыла глаза и не могла не улыбнуться. Она протянула руку и взяла чашу с чаем сильным запахом, совсем не как у больного человека. «Мы с мужем приложили немало усилий, чтобы Юань Ли сдал провинциальный экзамен», — сказала она.

Сегодняшнее путешествие на гору за лекарством для матери — это спектакль, который они разыграли.

В это непростое время, чтобы стать чиновником, можно рассчитывать только на то, что кто-то другой порекомендует вас на провинциальный экзамен. Если человек происходит из влиятельной и могущественной семьи, то ему не нужно беспокоиться о том, чтобы получить место. Тем не менее, обеспечение экзаменационного места для семей со скромным достатком, как у них, требует больших усилий.

Девичья фамилия жены магистрата — Чэнь, и хоть ее семья имеет некоторое влияние в уезде Жуян, но за его пределами она не пользуется большим уважением. Ее муж, Юань Сун, обычный человек, получивший возможность стать чиновником только благодаря хорошему наставнику. Его круг общения и связи не столь обширны, как у жены.

Для того, чтобы Юань Ли добился успеха в карьере, им необходимо сначала создать хорошую репутацию.

Служанка подошла к госпоже Чэнь сзади и помассировала ей плечи, успокаивая: «Госпожа, будьте уверены. С репутацией и интеллектом молодого господина, он, несомненно, будет выбран для обучения в Национальной Академии*».

* Гоцзыцзянь — национальное центральное высшее учебное заведение в китайских династиях после династии Суй. Иногда переводится как Императорский Колледж, Императорская Академия, Императорский Университет, Национальная Академия. В тексте я буду использовать Национальная Академия или Императорская Академия.

Для того, чтобы получить рекомендацию для прохождения провинциального экзамена, недостаточно иметь только хорошую репутацию. Нужно также быть образованным и обладать знаниями. В настоящее время провинциальные экзаменационные квоты монополизированы дворянскими семьями, поэтому люди со скромным происхождением должны искать способ поступить в Национальную академию. Как только они закончат учебу преподаватели могут рекомендовать их на пути чиновничества. Студенты Национальной Академии либо богаты и влиятельны, либо известны своими выдающимися талантами. Если молодому мастеру удастся

поступить в Императорскую Академию, то он уже сделает шаг к карьере чиновника.

Госпожа Чэнь сделала глоток чая и почувствовала легкое беспокойство. «Все не так просто. Для Национальной академии также важен официальный ранг и статус предков».

В рамках Национальной академии существует три различных уровня образования: Национальная Академия, Большая Академия и Академия Четырех Дверей, каждая из которых предназначена для детей высокопоставленных чиновников и дворян.

Ее муж — всего лишь мелкий уездный магистрат, и если они не задействуют связи, то ее сын может и не поступить в Национальную Академию.

«Более того, в Жуяне живет не только наша семья Чэнь. Есть еще семья Вэй и семья Ван», — госпожа Чэнь потерла виски. «С таким количеством людей, соревнующихся за место на экзамене в одной провинции, семьи Вэй и Ван даже заключили брачный союз. К счастью, наш сын Юань Ли талантлив, прилежен и усерден. Он затмил детей обеих семей. В противном случае имя, которое прогремело бы на весь уезд Жуянь, было бы именем их сына, а не нашего».

Служанка тихо прошептала: «Госпожа, не волнуйтесь. Я не знаю почему, но всякий раз, когда я смотрю на молодого мастера, я чувствую, что он обязательно поступит в Национальную Академию и будет учиться у выдающегося учителя».

Госпожа Чэнь не могла не усмехнуться. Хотя Юань Ли все еще молод, он просчитывает все с точностью, а его поведение уже заслуживало восхищения. Разве могут быть малы достижения такого ребенка?

Сделав несколько глотков чая, госпожа Чэнь сказала: «Иди и напомни людям в горах, чтобы

они хорошо заботились о молодом господине».

Служанка улыбнулась и ответила: «Уже иду».

«Подожди», — остановила ее госпожа Чэнь, аккуратно вытирая носовым платком чай с губ, удаляя вместе с ним и пудру, обнажая розовые и живые губы. Она закрыла глаза: «Нанеси мне макияж еще раз, убедись, что я выгляжу как человек, который только что оправился от тяжелой болезни».

«Можете не сомневаться, госпожа».

Служанка вымыла руки, опустила занавесь в повозке и аккуратно нанесла макияж госпоже Чэнь.

..... □ .....

Юань Ли быстро шагал вверх по склону.

Как только он добрался до места, откуда его не могли видеть люди у подножия горы, из леса поспешно вышли более тридцати стражей. Их лидер, мужчина с худощавым лицом, уважительно поприветствовал Юань Ли: «Молодой господин».

Юань Ли кивнул и улыбнулся: «Страж Мэн, ты усердно работал последние несколько дней».

Поскольку вся эта горная прогулка являлась спектаклем, он не мог провести на горе только один день и уйти. Чем дольше он останется здесь, тем лучше и крепче станет его репутация. Юань Ли уже решил задержаться на три-пять дней.

С этими мыслями Юань Ли еще раз взглянул на систему в своем сознании.

□Система энциклопедии активирована□

□Миссия: поступить в Национальную академию□

□Награда: мыльная формула□

У Юань Ли был секрет. На самом деле он не принадлежал этой эпохе.

До переселения он был отличным военным специалистом по тыловому обеспечению. После переселения он оказался в Северной Чжоу с нетронутыми воспоминаниями, но как беспомощный младенец, со статической системой в голове.

Как бы то ни было, с момента активации системы и до сих пор она не оказала Юань Ли ни малейшей помощи. Отображалось лишь три строки текста, холодно искушая его наградой за выполнение задания.

Юань Ли с осторожностью отнесся к этой штуке в его голове, но у него и системы была одна и та же цель: поступить в Национальную Академию и стать чиновником, сдав экзамен. Он решил посмотреть, какие изменения произойдут, если он действительно поступит в Императорскую Академию.

Следует также отметить, что мыльная формула действительно представляла собой немалое искушение для Юань Ли.

Когда Юань Ли обнаружил, что эпоха стоит на пороге больших потрясений, его цель сместилась в сторону выращивания лошадей и развития солдат, чтобы прочно закрепиться в хаотичном времени.

Опыт прошлой жизни Юань Ли был тесно связан с этими понятиями, а также с управлением логистикой, поэтому он имел представление, сколько денег потребуется.

Проблема заключалась в том, что, будучи сыном магистрата маленького уезда, у него просто не было столько денег.

С сожалением, Юань Ли отвел взгляд от системы.

Гора Шаньтоу была самой большой горой в округе Жуян, простираясь не только в пределах уезда Жуян, но и в соседний уезд Саньчуань.

Юань Ли собрал довольно много трав. В то же время их группа, сама того не замечая, перебралась с южной стороны горы Шаньтоу на северную. Когда они вошли в тенистую зону, то внезапно почувствовали холодок. Юань Ли вздрогнул и посмотрел вниз. Это место было похоже на совершенно иной мир, разительно отличающийся от места, где он начал свой

подъем на гору: редкая растительность, голая земля, пустынная местность с засохшими ветками и травой.

Выражение лица стража Мэна внезапно изменилось, и он указал вдаль, говоря: «Молодой господин, скорее посмотрите».

Юань Ли последовал взглядом в указанном направлении и увидел группу людей, одетых в лохмотья, поднимающихся на гору сквозь густой лес.

Эти люди были настолько худыми, их тела, казалось, были лишь тонкой плотью. У каждого из них в руках был топор или каменный резец. Было видно, что их горло пересохло, а губы потрескались, они глотали слюну в состоянии голода и жажды. Станным было еще и то, что группа состояла исключительно из трудоспособных мужчин в расцвете сил.

Они не выглядели дружелюбными.

Юань Ли нахмурился, жестом приказал людям вокруг него замолчать, и тихо следовать за ним.

Неподалеку находились сельскохозяйственные угодья уезда Жуйан, подумал про себя Юань Ли, крепче сжимая кинжал на поясе.

Понаблюдав некоторое время за группой людей, страж Мэн кое-что вспомнил. «Молодой господин, прошлой зимой в Ханьчжуне не было снега, а с начала весны не выпало ни капли дождя. Рисовые поля высохли, а сильная засуха неизбежно привела к нашествию саранчи. Спасаясь от стихийного бедствия, многие люди бежали со своими семьями в Лоян. Судя по внешнему виду этих людей, они должны быть беженцами из Ханьчжуна».

Юань Ли задумался: «Но как они оказались в горах уезда Жуян?»

Страж Мэн горько вздохнул: «Лоян — имперская столица, как же они могли позволить беженцам беспрепятственно войти в город? Этим простолюдинам некуда было идти, поэтому многие из них искали убежище в окрестных уездах и городах. Но поскольку Лоян не принял беженцев, естественно, эти уезды и города тоже не осмеливаются их принять. Некоторые беженцы умерли от голода, а другие стали бандитами в горах. Судя по тому, что я вижу, эти люди также похожи на группу горных разбойников».

Юань Ли опустил глаза и глубоко вздохнул.

С тех пор, как он осознал, что переселился в древние времена, Юань Ли понимал, что столкнется с жестоким миром.

Этот мир суровее будущего, а простые люди практически не имели прав. Именно поэтому он хотел найти себе достойное место в этой хаотичной эпохе. Юань Ли не мог спасти всех, но он хотел сделать все возможное, чтобы спасти как можно больше людей. Несмотря на то, что он был морально подготовлен, наблюдение за этой сценой все равно причиняло ему боль.

Однако Юань Ли быстро подавил эмоции. Пока он ничего не достиг, предаваться сантиментам было бы не более, чем показухой.

Страж Мэн спросил: «Молодой господин, если эти люди действительно горные бандиты, должны ли мы следовать за ними?»

«Мы пойдем за ними», — решительно ответил Юань Ли, — «но пока давайте не будем причинять им вреда. Возьми с собой двух мужчин, немного еды и иди к ним. Притворитесь земледельцами. Понаблюдай за тем, как они реагируют. Если они возьмут только еду, никому не причинив вреда, то мы отдадим им половину нашей провизии».

Выражение лица Юань Ли мгновенно похолодело. «Но если они намерены убивать и грабить, казните их на месте, чтобы они не причинили вреда жителям уезда Жуян».

Страж Мэн тот час же принял указания: «Есть!»

Он и двое других стражей сняли верхние одежды, вывалялись в грязи, а затем упаковали в сумки сухие пайки, бурдюки с водой и несколько серебряных монет и направились к пострадавшим людям.

По правде говоря, это испытание человеческой природы было несправедливым по отношению к жертвам бедствия. Они находились в состоянии крайнего голода, жажды и нищеты, что делало их более склонными к импульсивному поведению.

Тем не менее, Юань Ли не мог игнорировать потенциальную угрозу, которую они представляли для других невинных людей только потому, что им не повезло.

Вскоре страж Мэн и его группа столкнулись с жертвами бедствия.

Как и ожидал Юань Ли, как только эти люди увидели сумки, которые несли Мэн и его товарищи, они забеспокоились. Голодные, они уставились на провизию, все быстрее сглатывая слюну, их глаза излучали зеленый свет.

Один человек даже поднял каменный резец и протянул руку к Мэну. Как раз в тот момент, когда страж Мэн и двое его товарищей собирались начать действовать, их остановил лидер группы людей.

Предводителем был молодой человек, от которого остались лишь кожа да кости. Его взгляд был острым, и он также сглатывал слюну. Он пригрозил: «Бросайте все, что у вас есть, и убирайтесь отсюда!»

Лицо стража Мэна побледнело. Он обменялся взглядом с двумя своими подчиненными, вспоминая инструкции молодого мастера Юань Ли. Они неохотно сложили свои вещи, развернулись и приготовились уйти.

Вожак быстро схватил сумки и стал рыться в них. Он достал сухие пайки и бурдюки с водой, собрал оставшиеся предметы и бросил их Мэну и его товарищам. «Нам нужна только еда и вода. Больше ничего. Заберите свои деньги!»

Страж Мэн и его спутники быстро развернулись и схватили сумки. Они опустили головы, посмотрели на мешочки с деньгами и переглянулись. Затем они вернулись к ошеломленному Юань Ли, который все это время наблюдал за происходящим.

Юань Ли задумчиво посмотрел на лидера группы. «Пойдем. Встретимся с ними».

В толпе беженцев люди жадно поглощали сухпайки. Однако каждому достался лишь небольшой кусочек размером с ладонь. Остальное было отложено в сторону и, по-видимому, предназначалось для других целей.

Услышав шум, группа людей с бдительным выражением лица подняли головы, держа оружие перед собой. Когда появились Юань Ли и его охранники, выражения лиц этих людей внезапно изменились на нервозность и беспокойство. Казалось, они приняли их за кого-то другого, в их взглядах чувствовалась негодование.

Молодой человек, стоявший посередине, с лицом, покрытым грязью и пеплом, выглядел спокойнее остальных. Он сразу понял, кто здесь главный, и уставился на Юань Ли, прежде чем заговорить хриплым голосом, сухим, как засохшее дерево: «Кто вы?»

Юань Ли снял со своего тела бурдюк с водой и бросил его говорящему, показывая, что он не собирается причинять вред. «Храбрый воин, вы беженцы из Ханьчжуна?»

Юноша поймал бурдюк с водой одной рукой, но пить не стал. Он стал еще более бдительным. «Что, если так? И что, если нет?»

«Не напрягайся, я не желаю вам вреда», — улыбнулся Юань Ли. «Вода безопасна. Откровенно говоря, яд стоит дороже, чем ваши жизни».

Беженцы замолчали, молодой человек внезапно снял крышку с бурдюка с водой и, уставившись на Юань Ли, сделал глоток. Он так сильно хотел пить, но все же сумел сдержаться и бросил бурдюк своим товарищам.

Юань Ли передал им еще несколько сосудов с водой и спросил юношу: «Как тебя зовут?»

Молодой человек колебался: «Ван Эр».

Юань Ли продолжил: «Зачем вы пришли в горы? Почему вас так мало? Разве старики и дети ваших семей не бежали вместе с вами?»

После трех вопросов расслабленные мышцы Ван Эра снова напряглись, он промолчал.

Юань Ли был терпелив. «Если это все твои люди, мы можем дать вам провизию, но немного. Но если с тобой также женщины, дети и старики, я могу обеспечить вас средствами к существованию».

Это заявление нашло отклик в сердцах жертв бедствия, переживших неисчислимые лишения. Многие из них явно заинтересовались и повернули головы, чтобы посмотреть на Ван Эра. Ван Эр поджал губы и спросил: «О каких средствах к существованию идет речь?»

«Работайте на моей ферме», — сказал Юань Ли. «Помимо возделывания полей, мужчины также должны будут охранять дом и двор. Кроме того, вы получите бесплатное питание, проживание и заработную плату. Хотя это и не очень большие деньги, но их хватит на еду и хорошую одежду».

Ван Эр на мгновение заколебался. «Стать вашими подчиненными?»

Стражи, крестьяне, слуги — все они были домашними служащими.

В мирное время они обеспечивали ведение хозяйства, но когда возникала опасность, становились рядовыми солдатами.

В эту эпоху, будь то знатная семья или богатый купец, у всех у них была прислуга.

Юань Ли мягко ответил: «Верно».

Жертвы бедствия посмотрели друг на друга, а Ван Эр стиснул зубы, спрашивая: «Мы даже не знаем, кто вы. Как мы можем доверять вам?»

Страж Мэн холодно фыркнул. «Это молодой мастер особняка магистрата в уезде Жуян. Вы можете верить ему».

Ван Эр был ошеломлен, и выражение его лица заметно смягчилось. Он поклонился Юань Ли и сказал: «Значит, вы владыка Юань из Жуяна. Для меня большая честь встретиться с вами лично».

Юань Ли моргнул, понимая, какую роль сыграла его репутация.

В эту эру любой, кто известен своей преданностью, праведностью и сыновней почтительностью, не мог считаться плохим человеком. Если человек настолько предан родителям, то что в нем может быть плохого?

Юань Ли впервые почувствовал пользу от своей репутации.

Ван Эр и его группа теперь верили Юань Ли, поэтому они согласились привести остальных. По их словам, под горой укрылось много беженцев, в том числе женщины, дети и старики, всего

около ста человек.

Юань Ли получил четкое понимание ситуации и поручил стражу Мэну сопровождать Ван Эра и этих людей. К ночи их доставят на ферму.

В тот вечер Юань Ли и его охранники накопили диких овощей и сварили кашу, чтобы хоть как-то наполнить желудки. Многие люди вздрогнули, получив миски и палочки для еды. Когда их губы коснулись каши, они тихо разрыдались, то ли от радости, что не пришлось умирать с голоду, то ли от горя за своих близких, которые не дожили до этого момента.

Ван Эр также держал в руках миску с овощной кашей и жадно ел. Лю Дагэнь подошел к нему и прошептал: «Ван Эр, если мы последуем за сыном уездного магистрата, должны ли мы продолжать грабить коррумпированных чиновников?»

«Конечно, мы продолжим», — усмехнулся Ван Эр. «В разгар сильной засухи в Ханьчжуне этот коррумпированный чиновник посылал в Лоян повозку за повозкой, наполненные серебром и драгоценностями. Интересно, кого он пытался подкупить, чтобы скрыть бедствие? Даже если мы умрем, перед смертью мы обязаны отнять у него нечестно нажитое богатство, которое он выжал из народа! Но молодой господин Юань — сын уездного магистрата. В конце концов, мы не можем поставить его в сложное положение. Давайте сохраним этот план в тайне от него. Мы не должны привлекать к этому делу нашего благодетеля».

Лю Дагэнь кивнул: «Не сомневайтесь, я понимаю».

Ван Эр подсчитал, что конвоем коррумпированного чиновника потребуется еще два-три дня, чтобы добраться до Лояна.

Ограбив конвой, они не оставят грязные деньги себе. Они передадут их молодому господину Юаню и будут умолять его помочь в спасении беженцев из Ханьчжуна.

Учитывая благосклонность молодого мастера Юаня, он непременно протянет им руку помощи.

В ста милях отсюда. Лоян.

Особняк Чу Вана.

Чу Ван и его жена, госпожа Ян, также думали о Юань Ли.

Глаза госпожи Ян опухли, что являлось свидетельством ее бессонницы. Ее голос был хриплым и слабым. «Предложение руки и сердца было отправлено в Жуян нашим доверенным лицом. Как только особняк Юань согласится, мы сможем начать подготовку. Фэн Эр не в добром здравии и не сможет лично присутствовать на свадебной церемонии. К счастью, Циэ вернулся. Мы заставим его заменить брата».

«Станет ли Чу Хэчао слушать нас? Чу Ван холодно фыркнул. «Если ты позволишь ему заменить брата на свадебной церемонии, я боюсь, что он напугает молодого господина семьи Юань и заставит его немедленно пожалеть о браке».

Госпожа Ян на мгновение замолчала. «А что еще мы можем сделать? Наш Фэн Эр...»

Ее голос задрожал, она была не в силах продолжить.

Чу Ван стал мрачным. Спустя долгое время он сменил тему и спросил: «Как поживает ребенок из семьи Юань?»

Выражение лица госпожи Ян слегка смягчилось. «Он хороший ребенок, но его происхождение несколько неблагоприятно».

Чу Ван вздохнул: «Тяжело этим двум детям».

Госпожа Ян покачала головой, не желая больше ничего говорить. Она достала старый альманах и внимательно просмотрела его. На ее лице появилась слабая улыбка. «Муж мой, что ты думаешь по поводу этой благоприятной даты?»

Чу Ван посмотрел и удивился: «Через шесть дней? Дорогая, не слишком ли ты торопишься?»

Госпожа Ян прошептала: «Мой господин, если мы будем ждать дольше, Фэн Эр может не продержаться».

Глаза Чу Вана наполнились слезами. После долгого молчания он кивнул.

Примечание автора:

Дорогие мои читатели, я вернулась! Прошло много времени с тех пор, как я появлялась, но теперь я здесь с новой главой. В следующих трех главах состоится свадебная церемония, а в последней главе я буду раздавать красные конверты!

Сеттинг вымышленный, это не современность и не древний Китай.

Гонга зовут Чу Хэчао, а его вежливое имя Циэ. И гонг, и шоу уже взрослые, но шоу еще не исполнилось 20 лет, поэтому в настоящее время у него нет вежливого имени.

Примечание переводчика:

Я точно не знаю автор женщина или мужчина, но чаще всего новеллы данного жанра пишут именно представительницы прекрасного пола, поэтому перевела послесловие автора от лица дамы.

<http://bllate.org/book/17340/1625886>